

Nota della redazione:

Il presente studio apparirà anche in italiano.

В феврале 2008 г. на экраны российского телевидения вышел фильм «Гибель империи. Византийский урок» архимандрита Тихона (Шевкунова). Фильм вызвал необычайный всплеск эмоций. Кому-то он категорически не понравился, показался примитивным и вульгарным, чуть не с «черносотенным» душком. Кто-то встретил его с восторгом, увидев в нем что-то родное и давно знакомое, хотя и, казалось, безнадежно забытое. Не странно ли, что обычный фильм-эссе, каких в наше время выходит немало, вызвал в российском обществе столь бурную реакцию, как будто речь идет о чём-то сугубо личном, глубинном? Как будто от того, будет ли этот фильм признан правдивым или лживым, классикой или однодневкой, зависит судьба мира и каждого из нас. Может, ответ заключается в том, что в фильме этом каждый узнаёт самого себя? Только вот кто-то отождествляет себя с осаждающими, а кто-то с осажденными. За кем историческая правда? Каждый отвечает на это по-своему. Но несомненной заслугой фильма является то, что он пробудил интерес к истории, всколыхнул совесть людей, заставив задуматься над вечными вопросами: кто мы и откуда мы родом, чего мы хотим, куда мы идём?

Проблемой отношений между Византией и западным миром занимаются многие поколения ученых как за рубежом, так и в России. В 2003 г. на историческом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова под руководством С.П.Карпова, одного из ведущих византинистов нашего времени, была защищена кандидатская диссертация на тему:

«ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ И ИТАЛЬЯНСКИМИ МОРСКИМИ РЕСПУБЛИКАМИ (1261-1282 гг.)». Автор **Бахматова М.Н.**

Предлагаем вашему вниманию автореферат диссертации. Специфика авторефератов заключается в том, что их автор должен показать свое умение вместить в двадцать страниц содержание двухсот (в данном случае - более чем четырёмсот) страниц. Поэтому стиль весьма лаконичен, и чтение представляет определённые трудности для неспециалистов. Может, если удастся найти спонсора, когда-то увидит свет и сама монография.

При использовании электронного варианта текста ссылка на автора и на сайт обязательна

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

БАХМАТОВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ И
ИТАЛЬЯНСКИМИ МОРСКИМИ РЕСПУБЛИКАМИ (1261-1282 гг.)**

Специальность 07.00.03. Всеобщая история

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

МОСКВА

2003

Работа выполнена на кафедре истории средних веков исторического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель:

Академик РАН,
доктор исторических наук,
профессор С. П. КАРПОВ

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук

И. С. ЧИЧУРОВ

кандидат исторических наук

П. И. ЖАВОРОНКОВ

Ведущая организация:

Тверской Государственный университет

Защита состоится 10 июня 2003 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета К-501.001.16 по всеобщей истории в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Адрес: 119899 ГСП, г. Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов, аудитория 551.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А. М. Горького (МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан (подпись)

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат исторических наук

Никитина Т. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. История взаимоотношений между Византией в период правления Михаила VIII Палеолога (1261-1282) и итальянскими морскими республиками – одна из актуальных тем современной медиевистики. Ее разработка необходима для понимания сущности истории поздней Византии, системы международных отношений в Средиземноморье. На последнем этапе существования византийского государства в числе его самых активных внешнеполитических партнеров выступают Генуя и Венеция, которые с XIII в. начинают играть ведущую роль во всем Средиземноморском регионе, в значительной мере определяя пути его развития, в том числе и благодаря контролю над южным рынком международной торговли. Византия, Венеция и Генуя образуют систему отношений, характер которых влиял на всю расстановку сил в регионе. Механизмы взаимодействия между составляющими этого «треугольника» вырабатываются именно в период правления Михаила VIII Палеолога. Конечно, отношения Византии с итальянскими морскими республиками во многом основываются на традициях, восходящих ко временам Комниновской династии (1081-1185). Однако, в 1204 г. ситуация стала иной. Византия пала под ударами крестоносцев. «Латинское» завоевание не только временно прервало историческое развитие Византии, нанесло тяжелый материальный и морально-нравственный урон греческому населению, но и после восстановления империи в 1261 г. на столетия разделило обескровленное византийское общество по принципу притяжения или отталкивания латинства во всех его проявлениях. Существенно и то, что после 1261 г. восстановленная Византия начинает восприниматься Западом как объект завоевания, возникают все новые планы восстановления Латинской империи, что ставит перед Палеологами иные задачи, по сравнению с их предшественниками, меняет характер как внешней так и внутренней политики. Присутствие латинян на территории империи, в том числе – в Константинополе, делает Византию особенно уязвимой перед лицом западной экспансии. Характер отношений с живущими в городе итальянцами, особенно генуэзцами, становится своеобразным барометром политической обстановки вокруг государства ромеев, влияет на экономику и повседневную жизнь Византии. Таким образом, внешнеполитический фактор становится неотъемлемой составляющей внутренней политики Палеологов. Было бы, однако, неполным говорить только о воздействии итальянских морских республик на византийское общество. Влияние было взаимным. Ход событий в Византии и связанных с ней регионах, влиял не только на экономику, но и на политику и идеологию республик. Например, Венеция, перенявшая от Византии имперские амбиции (т. н. «венецианский византизм») и провозглашавшая себя яркой защитницей римско-католической церкви, под влиянием насущных интересов республики идет на открытый конфликт с папской курией, заключая в 1268 г. договор со «схизматиком» Михаилом VIII Палеологом. В этом она следует примеру своей соперницы Генуи (Нимфейский договор 1261 г.), которой, как считается, был присущ ярко выраженный политический прагматизм. В историографии отмечается, что именно с середины XIII в. начинается изменение венецианской политико-идеологической доктрины. Не является ли это, в том числе, и следствием событий, связанных с потерей Константинополя и необходимостью переосмыслить свою роль в регионе, а также цели и задачи

внешней политики? И не под влиянием ли происходящего в Византии в 70-е гг. в Генуе, начавшей целенаправленное освоение черноморского региона, усиливается партия гибеллинов, обеспечивавшая большую стабильность в византийско-генуэзских отношениях? Очевидно, что усиление позиций Генуи в Византии при Михаиле VIII Палеологе создает ситуацию определенного динамического равновесия между республиками. И если в начале XIII в. влияние Венеции становится решающим фактором взятия Константинополя крестоносцами, то столь же решающим становится влияние Генуи в провале планов Карла Анжуйского, к которым после долгих колебаний присоединяется и Венеция. XIII век был во многом ключевым для будущего всей Европы. Настоящее исследование актуально потому, что геополитические изменения последних лет с новой силой поставили вопросы отношений между западной цивилизацией и наследием византийской культурно-идеологической традиции, побуждая искать в истории корни некоторых антагонизмов, веками раздирающих европейское общество.

Цели и задачи диссертации. Основная цель нашего исследования – понять сущность политики Михаила VIII Палеолога по отношению к Венеции и Генуе и ее связь с внутренне- и внешнеполитической ситуацией Византии. К задачам относится выявление основных этапов этой политики, средств и методов ее проведения. Кроме того, мы ставили перед собой задачу найти в западных источниках, ранее не использовавшихся специалистами по истории Византии, сведения, которые помогают по-новому взглянуть на разные аспекты взаимоотношений между Византией, Латинской Романией и итальянскими морскими республиками. Однако, недостаточно найти новые источники. Часто самую большую проблему составляет использование и интерпретация источников уже хорошо известных не одному поколению историков, но не до конца истолкованных и содержащих дополнительные эвристические возможности. С этим связана и другая наша задача: подойти к историческому сочинению не только как к простому источнику информации, но как к живому свидетельству конкретной эпохи, понять причины тех или иных особенностей в изложении материала, связь их с общей идеологической и методологической традицией того времени, личными качествами автора, его положением в обществе, взглядами, - с тем, что М. Блок называл «психологией свидетельства».

Хронологические рамки исследования. Работа охватывает в основном период правления императора Михаила VIII Палеолога (1261-1282 гг.). Там, где этого требовало решение поставленных нами задач, мы расширили хронологические рамки до начала XIII в. и до середины XIV в. (В работу не вошло исследование падения власти Анжуйской династии на Сицилии при поддержке Византии, так называемой Сицилийской вечерни 1282 г. Эта тема составляет отдельную, исследованную, в частности, Д. Джеанакполсом и С. Рэнсименом историографическую проблему.)

Методологическая основа работы. В ходе исследования использовались методы системного и сравнительного анализа источников и историографии с привлечением некоторых специальных исторических дисциплин (сфрагистики, палеографии, дипломатики, ономастики, просопографии) и элементов текстологического анализа.

Научная новизна исследования. В работе дается первое в отечественной историографии комплексное исследование политико-идеологического аспекта

истории взаимоотношений итальянских морских республик с Византией в период правления Михаила VIII Палеолога. Ставятся новые конкретные проблемы: Нимфейский договор в контексте международных отношений сер. XIII в. и его историческая роль; связь между событиями в Северной Италии, в частности Вероне, и Латинской Романии в XIII в.; исследование природы второго генуэзско - византийского кризиса и т. д. Вводятся в научный оборот некоторые источники, которые ранее мало использовались или вовсе не использовались в исследованиях по истории Византии (произведения веронских историков и хронистов XIV-XVI вв., сочинение венецианского историка рубежа XV-XVI вв. Джанджакомо Карольдо, использованное нами в рукописи).

Практическое значение работы. Приводимые в диссертации данные и полученные выводы могут быть применены для дальнейших исследований внешнеполитической истории Византии, Генуи, Венеции и Латинской Романии. Выводы и наблюдения, сделанные в диссертации могут быть использованы для подготовки общих и специальных курсов по истории Византии и средних веков в учебных заведениях гуманитарного профиля.

Апробация работы. Рукопись диссертации была обсуждена и в целом одобрена на заседании кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ 29 июня 2001 г.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, подразделяющихся на параграфы, заключения и библиографии.

ОСНВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснованы актуальность и научная новизна темы диссертации, сформулированы ее цели и задачи, дана характеристика основных источников, использованных в работе, и сделан историографический обзор.

Обзор источников. Источниковую базу диссертации составили нарративные, документальные и законодательные источники. К первым относятся, прежде всего, произведения византийских историков XIII-XIV вв. Георгия Акрополита¹, Георгия Пахимера², Никифора Григоры³. Исследование трудов этих историков затруднено выборочностью и отрывочностью приводимого материала, необходимостью выявления и интерпретации сложной идейно-политической позиции авторов. Из латинских источников наибольший интерес для нас представляли Генуэзские анналы⁴, Хроника Генуэзской республики Якопо да Вараджине⁵, венецианская хроника Мартина да Каналья⁶, История государства Романии Марино Санудо Старшего⁷, Хроника Венеции Андреа Дандоло⁸,

¹ *Georgii Acropolitae opera* / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. Т. 1-2.

² *Pachymérès Georges. Relations historiques* / Ed. A. Failler. Paris, 1984-2000. Vol. 1-5.

³ *Gregoras Nicephorus. Bizantina Historia* / Ed. L. Schopen, I. Bekker. Bonn, 1829-1830. Т. 1-2.

⁴ *Annali genovesi di Caffaro e de' suoi continuatori dal MXCIX al MCCXCIII*. Genova, 1890-1929. Vol. 1-5.

⁵ *Iacopo da Varagine. Cronaca di Genova* / A cura di G. Monleone // *Raccolta delle Fonti*. Roma, 1941. Т. XIX. N. 84-85. Vol. 2.

⁶ *Martin da Canal. Les estories de Venise* / A cura di A. Limentani. Firenze, 1973.

⁷ *Marino Sanudo Torsello. Istoria del Regno di Romania* // C. Hopf. *Chroniques gréco-romaines inédites ou peu connues*. Berlin, 1873. P. 99-160.

⁸ *Danduli A. Chronica per extensum descripta*, aa. 46-1280 // *RIS* / Ed. E. Pastorello. Vol. XII. P. 1, fasc. 3-4. Bologna, 1938.

Морейская хроника в ее разных версиях⁹, хроника Вероны Пьера Загаты¹⁰, иные произведения североитальянских хронистов и пр. Были использованы произведения историков и хронистов XV-XVI вв., среди которых труд Джанджакомо Карольдо, изученный по рукописи¹¹, сочинения Джироламо далла Кортэ¹², Флавио Бьондо¹³ и др. Были использованы западноевропейские и византийские акты и источники¹⁴, регесты постановлений Венецианской республики касающиеся Романии Ф. Тирье¹⁵, новое критическое издание венецианско-византийских договоров 1265-1285 гг.¹⁶, регесты международных договоров Генуи¹⁷ издания ассиз Романии¹⁸ и др.

Историография. Проблема взаимоотношений между Византией и итальянскими морскими республиками в период правления Михаила VIII Палеолога является органической частью большой историографической темы «Византия и Западная Европа», на изучение которой издавна оказывали влияние самые разнообразные факторы, в том числе идеологического характера, нередко определявшие приоритеты в выборе проблем, подходы к их решению и оценки исторического значения тех или иных явлений и событий. Если не считать очерков по истории внешней политики Михаила VIII Палеолога, находящихся в трудах общего характера по истории Византии (А. А. Васильева, Ф. И. Успенского, Б. Т. Горянова, Г. Л. Курбатова, Г. Острогорского, К. Рота, А. Дюселлье, Е. Арвельер, Ж. Рене, Р. Браунинга, У. Тредгольда, в коллективных трудах «История Византии», «История средневекового мира» и др.), и небольшой книги К. Шапмана о Михаиле Палеологе¹⁹, первой монографией, целиком посвященной отношениям этого императора со странами Западной Европы, стало исследование Д. Джеанакполоса²⁰. В этой работе подвергается исследованию весь

⁹ Versione italiana inedita della Cronaca di Morea // C. Hopf. Chroniques gréco-romaines inédites ou peu connues. Berlin, 1873. P. 414-468; The Chronicle of Morea, ΤΟ ΧΡΟΝΙΚΟΝ ΤΟΥ ΜΟΡΕΩΣ. A history in political verse, relating the establishment of feudalism in Greece by the Franks in the 13th century / Ed. by J. Schmitt. London, 1904 (Reprint 1979).

¹⁰ Zagata P. Cronica della città di Verona. Bologna, 1978. Vol. 2.

¹¹ Caroldo G. Chronica. Marc. It. VII, 128, Clas. VII, Cod. CXXXVIII.a. Biblioteca Marciana. Venezia.

¹² Dalla Corte Girolamo. Dell'istorie della città di Verona. Venezia, 1744. Vol. 1.

¹³ Blondi Flavii Forliviensis Historiarum ab inclinazione romanorum. Libri XXI. Froben Basileae, MDLIX.

¹⁴ Liber Iurium Reipublicae Ianuensis. H.P.M. VI. Torino, 1854; Belgrano L. Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera // ASLSP. 1877. XIII. 2. P. 97-336; *idem*. Seconda serie di documenti riguardanti la colonia di Pera // ASLSP. 1884. XIII. 5. P. 931-1003; Bertolotto G. Nuova serie di documenti sulle relazioni di Genova coll'impero bizantino // ASLSP. 1898. XXVIII; Thomas G. M., Predelli R. Diplomatarium Veneto-Levantinum. Venezia, 1880. T. 1; Thomas G. M. Diplomatarium Veneto-Levantinum. Venezia, 1889. T. 2; Miklosich F. Müller J. Acta et Diplomata Graeca Medii Aevi Sacra et Profana. Wien, 1896. Vol. I-IV; Codice Diplomatico della repubblica di Genova / A cura dell'Imperiale di Sant'Angelo. Roma, 1936-38; Tafel G., Thomas G. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besondere Beziehung auf Byzanz und die Levante. Amsterdam, 1964. T. 1-3; Dölger F., Wirth P. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. III. Regesten von 1204-1282. München, 1977.

¹⁵ Thiriet F. Délibérations des Assemblées Vénitiennes concernant la Romanie (1160-1363). Paris, 1966. Vol. 1.

¹⁶ Pozza M., Ravegani G. I trattati con Bisanzio. 1265-1285 // Pacta veneta. Venezia, 1996. N. 6.

¹⁷ Lisciandrelli P. Trattati e negoziazioni politiche della Repubblica di Genova // ASLSP. Genova, 1960.

¹⁸ Recoura G. Les Assise de Romanie // Bibliothèque de l'École des Hautes Etudes. Pris, 1930. N. 258; Parmeggiani A. Libro delle uxanze e statuti delo imperio de Romania. Spoleto, 1998.

¹⁹ Chapman C. Michele Paléoloque restaurateur de l'empire byzantin (1261-1282). Paris, 1926.

²⁰ Geanakoplos J. D. Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258-1282. Harvard, 1959.

спектр латинско-византийских отношений, и связи империи ромеев с Венецией и Генуей рассматриваются в их контексте. Автор приходит к ряду важных выводов, касающихся характера и эволюции внешней политики как Михаила Палеолога, так и обеих морских республик. Важный вклад в изучение византийско-латинских отношений, правда, в более поздний период, - правление Андроника II (1282-1328 гг.), - внесло исследование А. Лайу «Константинополь и латиняне. Внешняя политика Андроника II.»²¹. Характеру и закономерностям политики Генуи и Венеции посвящены многочисленные исследования С. П. Карпова. Проблемами взаимоотношений Византии и Венеции специально занимались Н. П. Соколов,²² Д. Никол.²³ Изучение истории связей между Венецией и первыми Палеологами опирается на обильное научное наследие итальянских ученых, среди которых работы Р. Чесси по экономике и политике Венеции в XIII в., А. Кариле по венецианским хроникам, отражающим историю четвертого крестового похода и Латинской империи, М. Галлины и С. Борсари, исследовавших природу венецианской колониальной системы. Среди других исследований, затрагивавших проблемы венецианско-византийских отношений во второй пол. XIII в. необходимо назвать работы Ф. Тирье, Ф. Лейна, М. Мартина, Г. Моргана, И. Христомидиса, Х. Малтезу и др. На особенностях отношений между Михаилом Палеологом и генуэзцами останавливается в своем фундаментальном труде В. Гейд. К. Манфрони в работе «Отношения между Генуей, Византийской империей и турками»²⁴ приводит текст Нимфейского договора 1261 г. Р. Лопец, активно занимавшийся историей зарождения и развития генуэзских колоний на Леванте, считал эпоху первых Палеологов периодом наивысшего развития генуэзской торговли. Дж. Пистарино, многие годы возглавлявший Институт медиевистики Генуэзского университета, сосредоточил свое внимание на изучении лигурийской колониальной модели и ее типологии. Различные аспекты генуэзской политико-идеологической и социально-экономической истории и, в ее рамках, проблемы генуэзского присутствия в Романии в XIII в. рассматриваются в работах С. Оригоне, Э. Бассо, Л. Баллетто, Дж. Петти Бальби, Г. Айральди и др. Классической работой по-прежнему можно считать большую монографию французского ученого М. Балара по генуэзской Романии, в которой проводится комплексное исследование торгово-экономической деятельности генуэзцев в регионе вплоть до начала XV в. и уделяется большое внимание проблеме основания и развития генуэзских факторий, в том числе Перы-Галаты в Константинополе²⁵. Обзор политических, экономических и культурных связей между Византией и Генуей был сделан немецким ученым П. Шрайнером, изучению причин и обстоятельств заговора Гверчо и комплексу других проблем посвятил свое исследование румынский историк Ш. Папакостя. Из отечественных историков, затрагивавших проблему византийско-генуэзских отношений второй пол. XIII в. необходимо назвать прежде всего Е. Ч. Скржинскую, К. А. Осипову, Р. А. Наследову, для которых характерна в целом негативная оценка генуэзского

²¹ *Laiou-Thomadakis A. Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II (1282-1328). Cambridge (Mass.), 1972.*

²² *Соколов Н. П. Венеция и Византия при первых Палеологах (1263-1328) // ВВ. 1957. Е. 12. С. 75-96; он же. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.*

²³ *Nicol D. M. Byzantium and Venice. Cambridge, 1994.*

²⁴ *Manfroni C. Le relazioni fra Genova, l'Impero bizantino e i Turchi. Genova, 1896.*

²⁵ *Balard M. La Romanie Génoise (XII-e debut du XV-e siècle). Roma, 1978. Т. I-II.*

присутствия в Византии. К проблемам, еще не нашедшим убедительного разрешения относятся такие, как тактика и стратегия Михаила VIII Палеолога в его отношениях с итальянскими морскими республиками; преемственность между политикой Комнинов и Ангелов и первыми Палеологами; природа заговора генуэзского подеста Гверчо. Неоднозначны исторические оценки договоров, заключенных Византией с итальянскими морскими республиками.

Глава I. Борьба за Константинополь и ее отражение в трудах византийских историков. В главе дается общая характеристика ситуации, сложившейся на Балканах в 50-х гг. XIII в. и предопределившей будущую политику Михаила VIII Палеолога по отношению к Венеции и Генуе. Военная и дипломатическая тактика Михаила Палеолога была направлена на то, чтобы осуществить изоляцию Константинополя посредством постепенного завоевания окружающих его территорий и союзов с его соседями, а также потенциальными противниками. Плацдарм для нападения с суши был создан благодаря завоеванию Селимврии в 60 км к западу от столицы и ее окрестностей. Одновременно велась активнейшая деятельность дипломатического характера, которую можно было бы свести к трем основным направлениям: привлечь на свою сторону нейтрально настроенных жителей Константинополя и пригородов, т. н. «добровольцев», укрепить связи с константинопольскими греками и нейтрализовать латинян, удерживающих город. Подробные сведения об этом нам дают византийские историки Акрополит, Пахимер и Григора. В речи перед посланниками Балдуина II, содержание которой приводит Акрополит, Михаил Палеолог формулирует основные черты своей будущей политики по отношению к латинянам, проживавшим на территории Византии. В его намерения входило подчинить латинян своей власти и обложить их торговлю налогом. Нет и следа угрозы их изгнания из Константинополя. Роль латинян в региональной торговле настолько очевидна, что император уже изначально рассматривает ее как важнейший источник прибыли, как одну из основных составляющих своего экономического потенциала. Что же касается его курса по отношению к константинопольским ромеям, то он был направлен на обеспечение в городе надежной группы поддержки. Это приводит к мысли о том, что поддержка эта не была само собой разумеющимся фактом, как об этом пишут некоторые латинские источники. Факт прибытия в Никею двух посольств характеризует наличие с Константинополе двух обособленных этно-социальных групп, осознающих собственные интересы в диалоге с императором. Однако, всех этих шагов оказалось недостаточно, о чем свидетельствует история неудавшейся осады Галаты в 1260 г., о которой подробно пишут византийские авторы. Несмотря на привлечение значительных военных сил и надежды на помощь латиняна Азеля, личность и роль которого еще не представляется до конца ясной, - о чем свидетельствуют исследования Д. Джеанакоплоса и П. И. Жаворонкова, - Михаилу Палеологу не удалось достигнуть заветной цели, что с необходимостью ставило перед ним вопрос о поисках союзников. В работе подробно проанализирован этот эпизод не только потому, что показывает характер отношений Никеи с Венецией (в пору ее господства в Константинополе) и причины ее сближения с Генуей, но и выявляет некоторые очень важные тенденции в изложении фактов византийскими историками, - этой своеобразной игре умалчиваний и откровений, правд и полуправд, продиктованных политическими и личными интересами, которыми так богаты наши источники и за которыми, порой, очень трудно разглядеть истинное

положение дел. Не простой была и ситуация, в которой оказались морские республики. Смерть Фридриха II в 1250 г. дала толчок новому витку напряженности в Западном и Восточном Средиземноморье, в частности, противоборству между Генуей и Пизой. Борьба за преобладание на Западе получила свое продолжение в Сирии, а именно в ходе войны в Акре конца 50-х гг. Пизанцы, сначала союзники Генуи, предаются и объединяются с Венецией. Неоднозначна была и ситуация в венецианско-генуэзских отношениях. Генуэзцы, вытесненные после 4-го Крестового похода на второй план, в первой половине XIII в. заключили ряд договоров с Венецией, дававших им даже право навигации в Черном море. Однако, как отмечает С. Оригоне, это не означало для Генуи возврата к нормальному состоянию дел. Она стремилась к восстановлению своих прав и привилегий в Константинополе, полученных еще до 1204 г. Имела она свои интересы и в Романии. Однако, слишком занятая, с одной стороны, событиями на Западе, с другой, торговлей, ориентированной на рынки Сирии и Палестины, предпочитала сохранение status quo, который сложился на Востоке, и продолжала поддерживать Латинскую империю. То, что первоначально связывало две республики, это, скрепленная договором 1238 г. общность борьбы против имперской партии как на Западе, так и на Востоке. Со смертью Фридриха II и упадком влияния имперской партии, все латентные конфликты вышли на первый план. Так, в 1255 (1256?) началась война за Акру, которая охватила затем всю Сирию. Ее итог был катастрофичен для генуэзцев. Противоречия между республиками достигли такой степени напряженности, что никакие дипломатические усилия, в том числе арбитраж папы Александра IV, не могли привести ни к какому результату. Драматичность внешнеполитической ситуации Генуи усугублялась ее внутренней нестабильностью. В 1257 г. происходит политический переворот, который приводит к власти пополанов. Устанавливается должность «капитан народа» и заключается союз с королем Сицилии Манфредом, что означает изменение политической ориентации республики. Однако, поражения, понесенные Генуей, спровоцировали агрессивную реакцию со стороны аристократической партии, которая начала поднимать голову. Таким образом, в середине XIII в. социально-экономическое и политическое положение Генуи было кризисным. Этот кризис был обратно пропорционален успехам Венеции, которая объявляется главным врагом республики Св. Георгия. Чтобы избежать превращения во второстепенное государство, Генуе была нужна победоносная акция в стратегически важном районе и надежный союзник. Единственной силой, по-настоящему заинтересованной в поражении Венеции, была Никея. Альянс с греками не был чем-то новым в генуэзской политике («promissio» 1155 г., договор 1169 г.) После 1204 г. генуэзцы пытаются наладить отношения с никейскими правителями. Однако, по мнению Р. Лопеца, достижение любого соглашения между Никейской империей и Генуей было невозможно по причине договора, существовавшего между Иоанном Ватацем и Фридрихом II, злейшим врагом как Генуи, так и Венеции. Критическим моментом в никейско-генуэзских отношениях можно назвать захват в 1248 г. генуэзскими пиратами о. Родоса. Только в 1250 г. Иоанну Ватацу удается изгнать захватчиков и, таким образом, конфликт между Генуей и Никеей исчерпывается. Инициатива переговоров в 1261 г. исходила от генуэзцев, о чем свидетельствуют как Генуэзские Анналы, так и Мартино да Канале. Геную устраивало заключение альянса с потерпевшей стороной с целью помочь ей вернуть утерянное. Михаил

Палеолог принял предложение о союзе. Идеологическое обоснование этого политического шага мы найдем в энциклопедии Мануила Оловола. М. Мартин охарактеризовал этот период как «медовый месяц» в византийско-генуэзских отношениях. Итак, в 50-х гг. XIII в. резко изменились прежние тенденции развития международных отношений. Политика никейских императоров создала предпосылки для восстановления Византийской империи. В к. 50-х гг. к этому присоединяется и очень важный субъективный фактор, а именно стремление Михаила Палеолога, узурпировавшего престол, узаконить права на императорскую власть благодаря отвоеванию столицы. Но для осуществления этого плана ему был необходим союзник, обладавший флотом достаточно сильным, чтобы противостоять морским силам венецианцев. Сближение между Никеей и Генуей становится возможным кроме того и потому, что смерть Фридриха II и упадок дома Гогенштауфенов привели к перегруппировке политических сил в Европе, обнажив ранее завуалированные противоречия, переведя их в открытую форму (война за Акру) и противопоставив Геную Венеции и Пизе. Можно смело утверждать, что союз между Никеей и Генуей был неизбежен так же, как неизбежен был конфликт обоих этих государств с Венецией. Таким образом сложились предпосылки для подписания Нимфейского договора. Он был заключен 13 марта 1261 г. Главным положением договора с самого первого параграфа объявляется вечный мир с генуэзцами и война венецианцам, с которыми исключаются любые типы односторонних отношений как со стороны Византии, так и со стороны Генуи. Другим важнейшим положением было предоставление Генуе свободы передвижения и полного налогового иммунитета на всей территории империи, как в ее существовавших границах, так и на присоединенных в будущем территориях, осуществления торгово-финансовых операций по всем товарам, за исключением золота и серебра и т. д. Каково историческое значение Нимфейского договора? В современной историографии утвердились мнения, что он заложил основы генуэзского могущества в палеологовской Византии, что явное смещение баланса интересов в пользу генуэзцев делало его образцом крупнейшего промаха византийской дипломатии, отрицательно сказавшимся на всей ее последующей истории. Так ли это однозначно? Весной 1261 г. договор заключался Генуей не с Византией, а с Никеей, чье политическое положение было не из блестящих. Несмотря на коронацию Михаила Палеолога в 1259 г., шаткость положения нового правителя делала его крайне уязвимым перед лицом возможных претендентов на престол. Победа при Пелагонии давала лишь некоторую передышку. При отсутствии в регионе доминировавшей политической силы все решала система коалиций. Все последующие события, особенно неудача осады Галаты, показали, что Михаилу Палеологу нужны были «свои» латинские союзники и «своя» коалиция. Нимфейский договор закреплял раскол латинского фронта и гарантировал невозможность объединения морских сил Венеции и Генуи под давлением папской курии. Для Никееи это было реальным результатом подписания договора, независимо от взятия или невзятия Константинополя. Что же касается Генуи, то подавляющее большинство щедрых пожалований весной 1261 г. носило чисто условный характер, потому что, хотя и распространялось на "...toto nostro imperio...", имело в виду не столько то, "...quod habet...", сколько то, что "...dei misericordia acquisierit." За возможность реально воспользоваться щедрыми обещаниями еще предстояло вести упорную борьбу. Кроме того, заключая

договор со «схизматиками», Генуя навлекала на себя гнев папской курии и позже была отлучена от церкви. Предоставление многочисленных льгот генуэзцам, помимо выгод чисто военного и политического характера, должно было стимулировать развитие рыночных отношений в регионе и способствовать восстановлению торговых структур, которые пришли в определенный упадок во время существования Латинской империи. Основы такой политики были заложены еще во времена Комнинов, когда пожалование привилегий итальянскому купечеству было призвано удержать значение Константинополя как мирового центра посреднической торговли. В 1261 г. только обеспечение режима наибольшего благоприятствования могло реально заинтересовать Геную в соблюдении договора, который открывал перед ней радужную перспективу после ее неудач и унижений на Ближнем Востоке. К тому же, союз с Генуей, выдержав различного рода кризисы, двадцать лет спустя принес Византии значительные политические дивиденды, когда генуэзцы отказываются от предложения Карла Анжуйского принять участие в антивизантийской компании, и, более того, предупреждают Михаила Палеолога о готовящихся акциях, позволяя ему собрать силы и принять необходимые меры для отражения анжуйской угрозы. Объективная оценка Нимфейского договора возможна только при комплексном рассмотрении его роли в византийско-генуэзских отношениях. Явившись результатом успеха дипломатии Михаила Палеолога, гибко ведущего свою политику по отношению к морским республикам, он превращается в свою противоположность при его сыне Андронике II, распустившем византийский флот, на что недвусмысленно указывают византийские авторы. В диссертации рассматривается и во многом загадочная роль Пизы в Нимфейском договоре. Эта республика, в рамках одного и того же документа выступает то в роли избранного друга и вассала Никеи наряду с Генуей, то в роли потенциального агрессора, наряду с главным врагом - Венецией, то в роли союзника Генуи, неприкосновенность которого особо оговаривается в списке государств, подписавших с Генуей соглашения! Вопрос о возможном соглашении между никейским императором и Пизой, предшествующем Нимфейскому договору, остается открытым. Нимфейский договор, закрепляя военно-политический союз между Никеей и Генуей, не отражал абсолютного единства целей его участников. Если для Лигурийской республики главным было поражение Венеции, то византийцам нужно было прежде всего свергнуть латинского императора и изгнать его из Константинополя, прежде, чем это сделает кто-нибудь другой. Поражение Венеции в данном случае имело значение постольку, поскольку латинское господство поддерживалось ее деньгами и флотом. Кроме того, Михаил Палеолог, в соответствии со старыми дипломатическими принципами Византии по отношению к итальянским морским республикам, поощряя генуэзцев, пытался создать противовес доминированию Венеции в Восточном Средиземноморье. «Виртуальное» же присутствие в тексте договора Пизы должно было служить предупреждением Генуе о том, что ей всегда можно найти достойную замену. Нимфейский договор, несмотря на всю свою значимость, не нашел особенно яркого отражения в свидетельствах современников. (I, 4) После неудачи с осадой Галаты Михаил Палеолог готовил, видимо решающее сражение с участием генуэзского флота. Однако, судьба распорядилась по своему. Легкость, с которой столица перешла в руки византийцев, можно было бы определить и как закономерность, и как плод стечения обстоятельств. История эта подробно, хотя и

с некоторыми расхождениями, описана византийскими авторами. Обстоятельства отвоевания Константинополя и бегство латинян во главе с императором Балдуином на Эвбею породили немалое количество предположений и домыслов. Однако, лишь целый комплекс причин сделал невозможным эффективную оборону столицы. При активизации реставраторской политики никейского императора, удержание Константинополя во второй половине 50-х гг. требовало от Венеции, вовлеченной в войны в Сирии и на Балканах, непомерных расходов. Значение Константинополя заключалось в его стратегическом географическом положении, позволявшем держать под контролем проливы, контролировать торговлю с Причерноморьем. Однако, как свидетельствуют источники, Причерноморье не сразу стало приоритетным направлением венецианской торговли. Сначала основные силы венецианцев были отвлечены на освоение и защиту владений в Эгее, приобретенных после IV крестового похода, что требовало больших людских и материальных ресурсов. Интерес пришел позже, уже после реставрации Византийской империи. Другим важным фактором была нежизнеспособность Латинской империи как социально-политического образования. Более чем полвека латинского господства не способствовало консолидации завоевателей. Об этом свидетельствовали многочисленные конфликты между ними, нередко выливавшиеся в войны. С самого начала венецианцы осознавали и отстаивали свою особую роль в крестоносном движении. Их интересовали не столько территориальные завоевания, как таковые (феодалные держания венецианцев в Романии – это особый случай), сколько рынки и территории, обеспечивающие возможность ведения торговли. Не сложились в Латинской империи и устойчивые отношения между представителями старого и нового господствующего класса. Все противоречия усугубились еще и тем, что блокада города, осуществленная по приказу Михаила Палеолога, довела жителей Константинополя до крайней степени нужды, что привело и к падению их морального духа, сделав невозможным оказание сопротивления. Таким образом, по целому ряду причин экономического, социально-политического и морально-психологического характера, битва за Константинополь была проиграна латинянами, в первую очередь – венецианцами, еще до ее начала. Отвоевание города стало результатом сочетания объективных и субъективных факторов. Проанализированные в диссертации факты свидетельствуют о наличии изначальных противоречий в ромейском обществе перед лицом отвоевания Константинополя. Слабость социальной опоры императорской власти требовала от Михаила Палеолога максимальной консолидации сил. По отношению к латинскому населению Константинополя византийцы не только сознательно старались избежать погромов жилищ и избиения латинян и их пособников, как это случалось, например, в 1171 или 1182 гг., но, напротив, дали возможность покинуть город всем тем, кто этого хотел. Не являлось ли это отражением политики, сформулированной Михаилом Палеологом перед латинской делегацией двумя годами раньше? Более того, как вытекает из сообщений источников, город оставили далеко не все латиняне. Основной причиной этого было то, что в годы латинского господства в Константинополе сформировался устойчивый социальный слой константинопольцев-негреков, которые стали органической частью социальной структуры константинопольского общества и с которыми уже нельзя было не считаться.

Глава II. Первый этап политики Михаила VIII Палеолога по отношению к Генуе и Венеции (вторая пол. 1261 - первая пол. 1265). После отвоевания Константинополя Византии оказалась в эпицентре политики средиземноморских держав. Однако, чтобы удержать господствующее положение, ей требовалось гораздо больше сил и средств, чем те, которыми она располагала. Вместе с тем, ни одна из политических сил региона не была настолько мощной, чтобы самостоятельно разгромить вновь восстановленное государство. Наибольшую заинтересованность в ведении военных действий против Византии проявляли Венеция и папство. В таких условиях в области внешней политики перед Михаилом Палеологом стояла двойная задача: противостоять с помощью дипломатии экспансионистским планам Запада и восстановить с помощью оружия византийское господство на территориях, ранее принадлежавших империи. Реализация этих задач во многом зависела от решения внутривизантийских проблем. Было необходимо примирить интересы самых различных групп населения (никейцев, константинопольцев, латинян и т. д.), держа под контролем потенциальные очаги конфликтов. Первые шаги Михаила Палеолога были направлены на то, чтобы продемонстрировать не только грекам, но и латинянам, что именно он является законным императором, восстановившим свою власть в Константинополе. Необходимо отметить, что латиняне были далеко не однородны ни по признаку их государственной принадлежности, ни по положению, ни по целям их пребывания в Константинополе. По сведениям Пахимера и Григоры, в столице проживали венецианцы и пизанцы, количество которых, правда, значительно уменьшилось, а также большое число генуэзцев, которые держались обособленно от первых двух групп. В социальном отношении оставшиеся венецианцы и пизанцы были ремесленниками и торговцами. О генуэзцах сведений меньше. Можно лишь предположить, учитывая, что статьи Нимфейского договора касались торговли и обороны, что в город стало прибывать большое количество купцов и воинов, моряков, пополнявших ту группу генуэзцев, которая уже давно обосновалась в Константинополе. Пахимер упоминает неких знатных лиц: венецианцев, пизанцев и генуэзцев, с которыми Михаил Палеолог вел переговоры с тем, чтобы склонив их на свою сторону, обеспечить поддержку и остальной части латинян. Условия, на которых Михаил Палеолог предложил латинянам, включая и венецианцев, остаться, если судить по сообщениям византийских историков, странным образом повторяют многие положения Нимфейского договора. Удивительно то, что Михаил Палеолог не делает различий между итальянцами, несмотря на разницу в их положении, следующую из текста Нимфейского договора. Единственным намеком на приоритет Генуи является глухое упоминание Григорой и Пахимером того факта, что вышеуказанные привилегии вначале были пожалованы генуэзцам. Складывается впечатление о весьма странной интерпретации буквы договора со стороны византийского императора: распространение привилегий на все республики и игнорирование его запретительной части. Даже если речь идет об ошибке, хронологическом совмещении событий 1261 г. и 1265 г., знаменательным представляется сам факт такой ошибки. Он подтверждает политику благоприятствования по отношению ко всем морским республикам в период, непосредственно следующий за отвоеванием Константинополя. Это могло произойти по разным причинам. Например, из страха перед тем, что преследование венецианцев могло бы развязать боевые действия в столице и

катализировать враждебные планы Венеции. Изгнанием венецианцев город был бы обескровлен экономически. Кроме того, Михаил Палеолог, возможно, не хотел оставаться один на один со все увеличивающейся, плохо контролируемой массой генуэзцев. Таким образом, в ход пускается традиционный способ противопоставления одних групп латинян другим с тем, чтобы избежать консолидации антивизантийских сил. Об этом прямо писал и Пахимер, жалуясь, что император только и был щедр, что к знатым итальянцам да к духовенству, чтобы хоть так завоевать их дружбу. Однако очень быстро тон суждений в отношении генуэзцев меняется. Сами они определяются как люди, отличающиеся скверным характером и склонные к мятежам (Пахимер). Григора пишет, что ввиду опасности, от них исходящей, Михаил Палеолог изгоняет их из столицы, переселяя сначала в Ираклию Понтийскую, а потом в Перу, недалеко от галатской крепости. В современной историографии высказывались различные предположения по поводу причин этого конфликта, разразившегося между Генуей и Византией в 1264 г. Суждения о нем возможны лишь на основании латинских источников, потому что из повествования византийских историков выпадают многие важнейшие события этого периода. На 1264 г. приходится очередное обострение венециано-генуэзских противоречий, которое вынудило Михаила Палеолога отказаться от услуг генуэзского флота. И хотя это не стало непосредственной причиной разрыва отношений с Генуей, однако, показывало, что рассчитывать на эффективность ее помощи было уже нельзя. Генуэзцы преследовали собственные цели, направленные на достижение их преобладания в регионе. Но и в этом они не были едины. Тот факт, что по возвращении в Геную флота была назначена специальная комиссия по расследованию случаев нарушений и злоупотреблений во время его пребывания в Романии, свидетельствует о наличии противоречий в среде генуэзского нобилитета и о расхождении в понимании целей и задач генуэзского присутствия в Романии. Эти противоречия проявлялись повсеместно, на что обращают внимание и византийские авторы. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Михаила Палеолога, было раскрытие заговора Гверчо, направленного на реставрацию латинского господства в Византии под эгидой Манфреда Гогенштауфена и Генуи, который Ш. Папакостеа определил как первый кризис в византийско-генуэзских отношениях после Нимфейского договора. По своей сути, факт этот отражал опасность формирования нового блока анти-византийских сил, который опирался не столько на теоретические идеи нового крестового похода, сколько на прагматичные политические и экономические соображения с опорой на военно-морской потенциал Генуи и Сицилийского королевства. Причем Генуя, в отличие от проигравшей Венеции, обладала сильными позициями в самой Византии, превратившись из союзника в «пятую колонну» реставрации, чего опасался Михаил Палеолог. Реакция императора была решительной и немедленной. Он лишил Геную, а вместе с ней и зарождающийся антивизантийский альянс одного из самых главных козырей – генуэзского присутствия в Константинополе. Важным было то, что он был в состоянии это сделать: сила и инициатива были на его стороне. И именно это представляется наиболее важным византийским авторам, которые как бы непрерывно взвешивают на невидимых весах соотношение сил между итальянцами и ромеями (хотя и обходят молчанием многие факты, включая и заговор Гверчо, о котором мы узнаем из генуэзских анналов). Конфликт между Генуей и Византией был логичен и неизбежен.

Различия в интерпретации договора 1261 г. стали сказываться сразу же после достижения общей цели, - взятия Константинополя. Постепенно между сторонами начинают накапливаться взаимные претензии, которые сначала не могут найти адекватного разрешения по очевидным причинам: первоначально византийский император – это власть без силы, а Генуя – это сила без власти. Поэтому Михаил Палеолог придерживается гибкой лояльной политики по отношению ко всем республикам, проводя одновременно целый комплекс мер, направленных на укрепление социально-политической базы своей власти и наращивание военной мощи своего государства. Только обретя реальную мощь и превратившись из «власти без силы» во «власть с силой», Михаил Палеолог может, наконец, перейти от политики лавирования к политике активного действия, что мы и видим при подавлении заговора Гверчо. Нимфейский договор даже если и не был аннулирован «*de iure*», потерял силу «*de facto*» (здесь не все представляется еще ясным). Он имел типичную судьбу военного альянса, направленного против общего врага. Как только общий враг повержен - исчерпываются и общие цели. Стороны начинают осознавать свою разобщенность и различие интересов, и альянс распадается. Так завершается «генуэзский» период итальянской политики Михаила VIII Палеолога. В его начале он стремится к созданию особой системы отношений с итальянскими морскими республиками. При объективной невозможности проводить традиционную политику комниновских времен «разделяй и властвуй», он, не ущемляя интересов других республик, обеспечивает режим наибольшего благоприятствования одной из них. «Убедившись, - по словам Андрея Дандоло, - что из вражды к венецианцам и благосклонности к генуэзцам он не извлек ничего хорошего»²⁶, Михаил Палеолог решил положить конец войне с республикой Св. Марка и начал искать новых союзников. Его взоры обращаются в сторону Венеции. В это время, по свидетельству Марино Санудо Старшего, дож и коммуна изучали все методы и средства, чтобы отвоевать город и империю. Решения этой задачи можно было искать или стремясь силой вернуть все утраченное, или путем мирных переговоров²⁷. Победы венецианского флота над генуэзским, угроза антивизантийского альянса между Венецией и папской курией и упорно ходившие слухи о тайном заговоре итальянцев и подготовке огромного флота для внезапного нападения на Константинополь с суши и моря (Пахимер), являлись вескими аргументами в пользу новой ориентации в византийской внешней политике. Первый шаг был сделан Михаилом Палеологом в 1265 г. После обмена делегациями был подготовлен проект договора (18.06.1265), который должен был быть представлен на рассмотрение правительства республики. Согласно положениям этого документа, Венеции предоставлялся широкий спектр эксклюзивных прав на территории Византии, подобных тем, которые в свое время были пожалованы в Нимфейском договоре генуэзцам. Более того, Михаил Палеолог брал на себя обязательство изгнать генуэзцев с территории империи и никогда их больше туда не допускать. Несмотря на аналогии с Нимфейским договором, данный документ представляет и существенные отличия, свидетельствовавшие об укреплении политических позиций византийского императора. В Венеции в тот период происходила борьба между сторонниками двух противоречивых тенденций, касающихся тактики Венеции: мирной и агрессивной. Представители

²⁶ *Danduli A. op. cit. P. 313.*

²⁷ *Соколов Н. П. Венеция и Византия при первых Палеологах... С. 78.*

«провизантийской» тенденции Якопо Дельфино и Якопо Контарини заключают с Михаилом Палеологом бессрочный мир, не ставя при этом, как указывают источники, никаких условий. Однако, в итоге пробеждает антивизантийская линия, видимо, потому, что несмотря на заманчивость выдвинутых условий, договор предлагал намного меньше того, на что могла в то время претендовать Венеция с помощью Запада и своего флота. Трудно было смириться и с открыто экспансионистскими устремлениями Михаила Палеолога по отношению к бывшим владениям Византийской империи в Латинской Романии. Кроме того, подписание договора с Византией ставило под вопрос и законность претензий Балдуина и стоявших за ним сил, что в данной ситуации было недопустимо, учитывая то, что венецианцы были крепко связаны целым рядом обязательств с самим Балдуином и с его сторонниками (Карольдо). Венеция рисковала также интердиктом со стороны римского папы, тем более, что в отлучении Генуи немалую роль сыграли в свое время именно венецианские дипломаты. И, другой немаловажный факт, с появлением на политической сцене Карла Анжуйского открывались новые, более конкретные перспективы формирования антивизантийского союза. Вот почему дож Раньеро Дзено, узнав о подписании договора, сильно разволновался (Карольдо). Возможности борьбы за отвоевание Константинополя еще не были исчерпаны. Этой борьбе благоприятствовали как политико-дипломатическая расстановка международных сил, так и военно-морской потенциал республики Св. Марка, последние победы которой в борьбе против Византии и Генуи только придали венецианцам уверенность в своих возможностях. Все это вместе способствовало тому, что проект договора был отвергнут дожем, и венецианско-византийский альянс не состоялся. На это время приходится коренное изменение в расстановке сил на западноевропейской политической арене. В результате сложных дипломатических комбинаций наметилась перспектива союза нового сицилийского короля Карла Анжуйского, папы Климента IV, ахейского князя Гийома Виллардуэна, а также, возможно, и французского короля Людовика IX против Михаила Палеолога. Это ознаменовало начало нового, более драматического периода во взаимоотношениях византийского императора с западными державами. Отныне и до самой своей кончины в 1282 г. Михаил Палеолог был вынужден практически полностью посвящать свое время и силы единоборству с Карлом, чьи амбиции, в случае их воплощения в жизнь, означали бы уничтожение византийского государства и восстановление в Константинополе латинского господства. В эту борьбу в той или иной степени оказались вовлеченными все средиземноморские державы от Кастилии и Арагона на Западе до Египта и монгольских территорий на Востоке. В 1267 г. был подписан договор в Витербо между Карлом Анжуйским и Балдуином о союзе, скрепленный браком их детей, направленный на совместное завоевание Константинополя, о чем писали Григора и Пахимер. В 1265 начинается сближение с Карлом и Генуи, добившейся при его посредничестве и в обмен на участие в антивизантийской экспедиции снятия папского интердикта. Что же касается Венеции, то дела для нее сложились затем не самым благоприятным образом. Так как было принято решение атаковать Византию с суши, Венеции с ее флотом отводилась, несмотря на особую оговорку, гарантировавшую неприкосновенность прав Венеции на Востоке, второстепенная роль. Это шло вразрез с ее стремлением занять ключевую позицию в регионе. Реализация витербского договора оставила бы Венецию один на один с мощнейшей коалицией, включавшей и Геную (нанесшей Венеции в

1266 г. ряд серьезных поражений). Этот союз контролировал бы все стратегически важные пункты Средиземноморья, включая черноморские проливы. Венеция оказалась перед дилеммой: занять второстепенное положение в восстановленной Латинской империи нового образца, или, умерив свои амбиции, включиться в уже существующую структуру Византийского государства, попытавшись укрепить свои торгово-экономические позиции. Вторая пол. 1265 – первая пол. 1267 гг. стали переходным периодом, ознаменовавшимся перестановкой сил на международной арене и становлением новых концепций во взаимоотношениях средиземноморских государств. Если противостояние между папством и Гогенштауфенами создавало ситуацию определенного динамического равновесия, то падение этого дома и замещение его власти в Италии, - при активнейшем содействии римского папы, - французом Карлом Анжуйским, означало создание в Южной Европе мощнейшей коалиции, представлявшей угрозу как для Византии, так и, в конечном счете, для самих итальянских морских республик. Создаются объективные предпосылки для их сближения. В то же время укрепились позиции Михаила VIII Палеолога в восстановленной империи, что создавало условия для изменения тактики в отношении к морским республикам. Если до этого единственной возможностью было заключение сепаратных соглашений (что не принесло большого успеха ни одной из сторон), то теперь стало возможным перейти к традиционной политике комниновских времен: «разделяй и властвуй». Таким образом, главной чертой первого этапа венецианско-генуэзской политики Михаила Палеолога явилась тактика сепаратных соглашений с одной республикой при исключении другой. При этом стратегические цели оставались неизменными на протяжении всего царствования Михаила Палеолога и заключались в стремлении добиться доминирующего положения по отношению к латинянам, находящимся на территории империи, используя экономические, военные и политические преимущества, проистекавшее из их присутствия в Византии и стараясь свести на нет, насколько это возможно, отрицательные стороны этого союза. Модель такой политики являлась традиционной для Византийской империи и базировалась на концепции преобладания государства ромеев над всем остальным миром (А. Дюселье). Тактика же диктовалась потребностями момента и спецификой ситуации в каждом конкретном случае. Для успешного проведения в жизнь тактики «*divide et impera*» главным условием является сильная императорская власть, способная осуществлять контроль над своими оппонентами. Власть эта, поддержанная всей мощью государственной машины, армии, чиновничества, церкви, идеологии, аристократии и плебса, в силу специфики византийского менталитета, несмотря на все внутренние разногласия, умела объединить всех перед лицом чуждого им народа и культуры, когда появлялась хоть малейшая угроза, реальная или вымышленная, традиционным устоям ромейского общества. Михаил Палеолог, в силу очевидных причин, в 1261 г. не мог использовать такую тактику. Во-первых, кардинальным образом различалось положение, интересы и политическая ориентация Генуи и Венеции. Во-вторых, власть византийского императора была еще слишком слаба: у нее не было ни твердой социальной опоры, ни надежной материальной базы, ни должной военной мощи, дающей необходимую независимость во внешней и внутренней политике. Все это привело к тактике, которую мы определили как тактику сепаратных соглашений. Это выразилось в подписании сначала антивенецианского договора с Генуей, в котором, правда, как

отзвук былых времен фиксируется и роль Пизы, формально играющей роль противовеса Лигурийской республике. Когда ситуация меняется, из-за предательства Генуи, делается попытка сепаратного договора Византии с республикой Св. Марка. Тактика эта потерпела неудачу. Генуе, раздираемой внутренними противоречиями, сначала оказалась не по силам роль главного морского союзника Византии. Не была она тверда и в своей внешнеполитической ориентации. Некоторым представителям генуэзского патрициата не давала покоя идея установления на проливах монополии не только экономической, но и политической. Генуя была просто не готова использовать те исключительные условия, которые предоставлял ей Нимфейский договор. Венеция, находившаяся в состоянии необъявленной войны с Византией, тоже еще окончательно не определила своей стратегии в изменившихся условиях и союз с императором отвергла. Возможно, неуспех тактики Михаила Палеолога был обусловлен еще и тем, что его возвышение воспринималось многими как результат случайного стечения обстоятельств, и вследствие этого, он не воспринимался как перспективный политический партнер. С изменением ряда обстоятельств международных отношений происходит изменение и тактики, точнее, возврат к традиционной «балансирующей» системе отношений, и начинается нелегкий «триалог» Константинополь-Генуя-Венеция, где до последнего момента византийский император пытается сохранить ключевую позицию.

Глава III. Второй этап политики Михаила VIII Палеолога по отношению к Генуе и Венеции (вторая пол. 1267 г. – середина 70-х гг. XIII в.). Инициатива подписания договора 1267 г. с генуэзцами исходила от византийцев. В Геную была направлена делегация, которая от лица Михаила Палеолога прощала генуэзцев и предлагала им мир. Это само по себе не вызывает удивления. Удивительнее то, что генуэзцы это мир приняли, направив сразу же в Константинополь делегацию во главе с Франческино да Камилла. Пахимер и Григора сообщают, что итогом встречи стало переселение генуэзцев из Ираклии в Перу. Они поселялись в западной части у Галаты, в незащищенном месте вдоль побережья Золотого рога. Такое расположение, со стратегической точки зрения, было выгодно византийцам и невыгодно генуэзцам. Д. Джеанакопλος считает, что генуэзцы сами добивались отведения им именно этого места, в котором был расположен еврейский квартал Эстанор, и в котором в период Латинской империи жили и сами генуэзцы. Вопрос о переводе генуэзцев в Перу поднимался Эджидио ди Негро еще в 1264 г. Соглашение 1267 г. - это во многом открытая проблема, так как не представляется до конца ясным, шла ли речь об отдельном договоре или же о возобновлении договора предшествующего. Главным является то, что новое соглашение теряет свой антивенецианский аспект и устанавливает местожительство генуэзцев в Галате. Существует мнение, разделяемое и нами, что именно с этого, а не с Нимфейского, договора начинается рост неуклонного экономического и военного присутствия Генуи в Византии, которое длится вплоть до XV в. (М. Балар, Д. Джеанакопλος). В любом случае, если даже договор 1267 г. и являлся простым возобновлением и подтверждением Нимфейского договора, его заключение «de facto» знаменует новый этап в византийско-генуэзской дипломатии, который характеризуется коренным изменением базовых принципов взаимоотношения двух сторон. Генуэзцы, как партнеры в диалоге с Византией, утрачивают два принципиальных преимущества: исключительность своего положения и свободу в выборе места жительства, так как не могут больше

находиться на территории столицы, в то время, как граждане Венеции и Пизы остаются жить, хотя и отдельно, под контролем, в своих древних кварталах. Таким образом, император, используя противоречия в отношениях с морскими республиками, пытается поддержать определенный баланс сил. В этот же период разворачивается активная дипломатическая деятельность по заключению соглашения между Византией и Адриатической республикой. Инициатива исходит от венецианцев, возможно под влиянием известий о посольстве в Геную. Договор был заключен в апреле 1268 г. (после заключения генуэско-византийского договора). Условия его были очень далеки от тех, которые в отчаянной попытке спасти свое положение были предложены Михаилом Палеологом тремя годами раньше. Он уже не имел антигенуэзского характера. Разрешался вопрос об официальном статусе республики Св. Марка, дож которой отныне терял титул «властителя трех восьмых империи Романии» и становился просто «господином земель и островов, находящихся под его властью». Представитель дожа и глава венецианской фактории в Константинополе получал титул «байло» взамен «подеста», как было ранее. Аналогично договору с Генуей, это соглашение открыло новую страницу в отношениях Византии с Венецией. По сообщению Карольдо, в ответ на протест папской курии в связи с заключением договора со «схизматиком» и врагом римской церкви, дож Раньеро Дзено утверждал, что мир с византийцами был необходим Венеции ради торговли, которую она вела в Романии и без которой нельзя было сохранить Венецию так же, как нельзя поддержать тело без пищи. Поэтому венецианцы не могли отказаться от договора с Византией. Это напоминает поведение генуэзцев в аналогичной ситуации. Там, где возникает угроза коммерческим интересам, соображения религиозного и политического характера отходят на второй план. Разногласия возникают лишь по вопросам тактики – переговоры или военные действия, а не по вопросам принципиальной возможности или невозможности вступать в отношения со «схизматиком» греческим императором. Венеция, став, наряду с Генуей партнером Византии, создает то долгожданное равновесие, к которому с самого начала стремился Михаил Палеолог. Логическим последствием этого стало подписание в августе 1270 г. в Кремоне пятилетнего перемирия между Генуей, Венецией и Пизой. В первой половине 70-х гг. XIII в. вся деятельность Карла Анжуйского была направлена на то, чтобы полностью замкнуть «сухопутное» кольцо вокруг Константинополя и всей Византийской империи наподобие того, как это сделал в свое время Михаил Палеолог, чтобы вырвать город из рук латинян. 12 августа 1269 г. в Генуе заключается договор с Карлом Анжуйским о предоставлении торговых льгот генуэзцам в Сицилийском королевстве, что вызвало сильнейшую тревогу Михаила Палеолога. В феврале 1272 г. Карлом был подписан с албанцами договор, носивший ярко выраженную антигреческую направленность. Породнился он и с князем Мореи Гийомом Виллардуэном. Так был осуществлен глубокий прорыв в зону византийского влияния на Балканах. Над Константинополем нависала прямая угроза. Задача Михаила Палеолога состояла, с одной стороны, в том, чтобы расширить пределы государства за счет присоединения территорий, отошедших к латинянам и грекам-сепаратистам на Балканах, в островной части Эгейского моря, а также за счет вовлечения в сферу византийского влияния южно-славянских земель. С другой стороны ему надо было активно заниматься оборонительной политикой, чтобы окружить кольцо своих врагов кольцом своих союзников, нейтрализовав,

таким образом, враждебные действия против Византии. Кроме того, он проводил активнейшие мероприятия по укреплению обороноспособности столицы. На счастье (при участии?) Византии в 1270 г. в Генуе побеждают гибеллины, разорвавшие отношения с Карлом. Генуя занимает твердую антигвельфскую позицию и заключает союз с антианжуйскими силами Северной Италии (30 октября 1273 г.). Другим фактором стало изменение политики папской курии, связанное с избранием в 1271 г. папой итальянца Теодальдо Висконти – Григория X, поборника нового крестового похода при участии Византии на условиях принятия ей церковной унии с римско-католической церковью. У папы были мощные рычаги давления на Михаила Палеолога, в числе которых - венецианская «карта»: подходил к концу срок действия соглашения между Византией и Венецией, заключенного в 1268 г. на пять лет. Сами венецианцы проявляли большую нерешительность, стремясь следовать своего рода тактике «блестящей изоляции». Однако эта тактика под давлением папы могла в любой момент измениться. У византийского императора не оставалось другого выхода. Заключение унии с римско-католической церковью стало для него неизбежно. 6 июля 1274 г. на соборе в г. Лионе уния с римско-католической церковью заключается. Андреа Дандоло и Карольдо сообщают, что данный факт очень обеспокоил Венецию, которая сразу же подняла вопрос о сохранении своих юридических прав в «империи Романии», полагая, что объединением церквей этим правам наносился значительный урон. Результаты политико-идеологического компромиса не замедлили сказаться. Карл Анжуйский под давлением папы был вынужден временно отказаться от планов антивизантийского крестового похода, Венеция возобновила на два года перемирие с Византией (март 1275), Генуя, под влиянием как этих, так и других событий, которые рассматриваются в следующей главе, ратифицирует (октябрь 1275) договор, переговоры о котором были начаты еще летом 1272 г. Наконец, в 1274 г. возобновляется и двустороннее генуэзско-венецианское перемирие. Лионская уния, отведя внешнюю угрозу от границ Византии, привела к созданию величайшего очага внутренней напряженности в самой Византии. Раскол прошел через все социальные слои общества, включая клир и императорскую семью. Византийское население выступало против императора, предавшего веру отцов, и он получил презрительное прозвище «латинофрон», пособник латинян. Население Византии, не вникая в тонкости политических интриг, не понимало, почему для борьбы с латинской угрозой надо заключать союз с латинской же церковью, обернувшийся разгулом террора и репрессий против противников унии. Одновременно, при пособничестве императора, начинается усиление позиций итальянцев в ключевых сферах экономики и государственного управления. Таким образом, Лионская уния, результат сложнейших политических процессов, обусловила новую перегруппировку сил не только на международной арене, но и в византийском обществе, ослабив социальную базу императорской власти, что не могло не отразиться и на характере отношений с итальянскими морскими республиками, чутко реагирующими на малейшие изменения во внутренней политике Византии, в их стремлении использовать любую возможность для усиления собственных позиций в этой стране.

Глава IV. Третий этап политики Михаила VIII Палеолога по отношению к Генуе и Венеции (сер. 70-х гг. XIII в. – 1282 г.). В пятой книге истории Пахимера приводятся ставшие хрестоматийными рассуждения о

соотношении сил между Венецией и Генуей в их историческом развитии и о причинах усиления Генуи. Оставаясь в рамках традиционных византийских политико-идеологических концепций, отчасти скорректированных временем, византийские историки отмечали то, как неуклонно росла мощь их итальянских союзников, постепенно превращающихся из гостей в полновластных хозяев. И становилось все трудней проводить в жизнь принцип уравнивания сил морских республик, сдерживать неумных и строптивых итальянцев, прежде всего, генуэзцев. Одними из самых ярких проявлений этого явились события середины 70-х гг. XIII в. в Константинополе, два эпизода византийско-генуэзского противостояния, подробно описанные Пахимером и Григорой, второй большой кризис, связанный с действиями генуэзских «пиратов». Согласно Пахимеру, один эпизод уходил корнями в конкурентную борьбу из-за торговли квасцами между двумя группами генуэзцев, другой был связан с вызывающим поведением одного лигурийца, убившего в стычке грека. Речь шла не столько о попрании норм, установленных взаимными договорами, сколько о нарушении тех положений и принципов, которые, согласно византийской традиции, должны были соблюдаться по отношению к императорскому достоинству. В 70-е гг. генуэзский фактор опять становится предметом заботы со стороны Михаила Палеолога, который, с одной стороны, делал все, чтобы оградить столицу от возможных недружественных актов со стороны Перы-Галаты, где были поселены генуэзцы, а с другой - стремился привязать к себе генуэзцев Галаты, сделав их, по-сути, своими вассалами, или же «лизиями». После 1261 г., по мере укрепления царской власти, со стороны Михаила Палеолога начинают проявляться «патерналистские» тенденции по отношению к генуэзцам, выражающиеся в некоем подобии возврата к традиционному типу взаимоотношений между ними и императорской властью, облеченным, однако, в формы западноевропейского образца («лизиями» генуэзцы названы еще в хрисовуле Исаака Ангела 1188 г.). Этот нюанс уловил и отметил внимательный к деталям Пахимер. Нашло это свое отражение и в установлении особых форм придворного церемониала, формализующего уровень этих отношений, описание которого мы найдем у Псевдо-Кодина (XIV в.). Псевдо-Кодин объясняет также, что особые привилегии генуэзцев проистекали из «вечного мира» (Нимфейского договора 1261 г.), заключенного во времена Михаила Палеолога. Что же касается венецианцев, то Михаил Палеолог, намеревавшийся в скором времени объявить им войну, заключил с ними не окончательный мир, а кратковременное перемирие. Именно поэтому по отношению к ним не были установлены строгие правила этикета. Особой привилегией генуэзцев была аккламация императора по-латыни, а также обязанность отдавать императору особое приветствие, когда корабли входили в Босфорский залив. С. Оригоне отмечает, что это должно было напоминать генуэзцам о том, что они заходили на территорию империи, с которой были связаны особыми узлами союзничества²⁸. Кроме того, должность подеста, свидетельство антигвельфской ориентации республики, представляла для императора канал связи с гибеллинским Западом (в договоре 1275 г. подчеркивалось, что выбор подеста должен был быть согласован с императором). Т. о. в условиях укрепления императорской власти характер и поведение генуэзцев по отношению к императорской власти приобретал особый смысл. Не

²⁸ *Origone S. Bisanzio e Genova. Genova, 1992. P. 212-213.*

случайно изложение событий, связанных с новым кризисом в генуэско-византийских отношениях, представлено у Григоры как «знак» («урок»), данный царем своим нерадивым союзникам-вассалам, зазнавшимся сверх всякой меры, и напрямую связан с вопросом о сущности и функциях императорской власти в Византии. Датировка данных событий возможна на основе комплексного анализа внутренне- и внешнеполитического положения Византии в период заключения Лионской унии и очередных трений между Генуей и Византией. История конфронтации генуэзцев с византийцами (а также пизанцами и венецианцами) отражает начальный этап становления генуэзского преобладания в черноморском регионе. Заговор Гверчо дорого стоил Генуе – она потеряла исключительные права, в том числе и в Черном море, предоставленные ей Нимфейским договором. Теперь за восстановление своего преимущества ей предстояла жестокая борьба, которая осложнялась, однако, междуусобными противоречиями, дестабилизировавшими, в конечном итоге, и отношения с византийскими властями. Если фокус генуэско-византийских отношений сосредоточивался в основном в Константинополе и проливах, самые драматические события в отношениях с Венецией развертывались на Балканах и в Эгейском море. Об этом свидетельствуют византийские историки, «Постановления о пиратстве» 1278 г., «История Романии» Марино Санудо Старшего, Морейская хроника и др. В диссертации особое внимание уделено истории Икария (Ликария), латинского рыцаря с Негропонта, перешедшего с десятками других собратьев по оружию на службу к Михаилу VIII Палеологу и ставшего адмиралом византийского флота. Имеется немало проблем, касающихся самых разных аспектов истории Ликария: сложно установить даты отдельных событий, мотивы и причины, побудившие Ликария и ему подобных перейти на службу к византийскому императору, неясно происхождение этого исторического персонажа и т. д. Для ответа на эти вопросы мы совершили экскурс в историю установления власти веронских тертициариев на Негропонте и их взаимоотношений с Венецией, Латинским императором и ахейским князем, проследили связь этих событий с историей Вероны и гвельфогибеллинским конфликтом. Были рассмотрены причины, ход и последствия войны на Негропонте 1256-59 гг., роль которой в событиях второй пол. 50-х гг. XIII в. и в отвоевании Константинополя никейскими войсками, на наш взгляд, еще недооценена в современной историографии. Вслед за Р. Лопецом, мы постарались разгадать загадку имени Ликария, определить местонахождение «Кастель Ново», откуда был родом его дед, выступивший в Четвертый крестовый поход на стороне Венеции. Для этого мы обратились к веронским источникам (Загата, Далла Корте и др.), еще не использовавшимся византинистами. Для определения положения Ликария в феодально-иерархической структуре латинского общества мы обратились к «Ассизам Романии», «Истории» Марино Санудо Старшего, Морейской хронике и пришли к выводу, что он был лигием тертициария Франческо да Верона. Ликарий не был авантюристом-одиночкой. За его спиной стояли массы мелкого и среднего рыцарства, обойденного благами крестоносного предприятия, о которых пишет Робер де Клари и которых мы находим уже при дворе никейских императоров, в том числе того «латиникона», которым, в качестве контоставла командовал Михаил Палеолог. Влияние латинян в Византийской империи резко возрастает во второй пол. 70-х гг., что является прямым следствием ослабления социальной базы императорской власти после заключения Лионской унии. Ликарию было отведено свое место в отношениях

Михаила Палеолога с Венецией. Задачей было ослабление позиций Венеции в наиболее важных для нее пунктах. Методом – опора на латинских союзников. Приближение Ликария в критический момент византийско-венецианских отношений явилось силовым аргументом наряду с поддержанием на определенном уровне эгейского пиратства, что, вместе с дипломатическими шагами, стало неотъемлемой частью политики «кнута и пряника» (Г. Морган), умело направляемой императором для сохранения баланса сил в регионе. Однако, в итоге Венеция, видимо считая, что отношения с Михаилом Палеологом для нее зашли в тупик, решила примкнуть к новому союзу с Карлом Анжуйским, оформленному соглашением в Орвьето 1281 г. Таким образом, опять мы находим две республики в противоположных лагерях, как это было и в 1261 г. Византийскому императору не удалось поддержать до конца фактического «равновесия» между ними. После его смерти эту задачу пришлось решать Андронику II (1282-1328).

Глава V. Взаимоотношения между Византией и итальянскими морскими республиками в контексте историографической традиции XIII-XIV вв. Для византийских историков рассказ об итальянских морских республиках становится поводом для размышлений об истинности целого ряда концепций, лежащих в основе их мировоззрения. События 13-14 вв. вынуждают историков выйти за рамки своего традиционно «романоцентристского менталитета» (А. Дюселье) и обратить свои взоры на другие страны, прежде всего - западные, во многом определяющие судьбу самого их государства. Этим обуславливается двойственность, изменчивость, неоднозначность суждений в отношении латинян. На других позициях стоят историки латинские. Если Генуя, с ее индивидуализмом и практицизмом диаметрально противоположна Византии («две антагонистические реальности») и достаточно последовательна в своей историографической традиции, то Венеция занимает промежуточное положение между ними в силу того, что она, принадлежа к западному культурному ареалу, корнями своими уходила в традиции Восточной Римской империи. Эволюция «венецианского византизма» под влиянием политического практицизма вылилась в особую политико-идеологическую систему, получившую определение «венецианского мифа», начало складывания которого относится ко второй пол. XIII в. Знание особенностей историографической традиции Византии, Генуи и Венеции позволяет объективно использовать и интерпретировать источниковые данные. (V, 2) Неравномерность изложения истории взаимоотношений Византии, Генуи и Венеции часто приводит исследователей к недоверчивому отношению к произведениям византийских историков. Однако, внимательный анализ показывает, что сочинения Пахимера и Григоры содержат основную информацию, в том числе и о первом этапе становления этих отношений, хотя и дают ее в очень сжатом виде. Ситуация кардинально меняется при описании событий второй половины царствования Михаила VIII Палеолога, которые излагаются подробно и обстоятельно. Различие подходов к изложению исторического материала у Григоры и Пахимера особенно проявляется при описании двух эпизодов генуэзско-византийского противостояния. Пахимер довольно объективен. Повествование же Григоры носит дидактический характер, как будто он, на фоне поражений, понесенных императорской властью в первой половине XIV в., хочет показать, каким должно было бы быть поведение настоящего правителя, заботящегося о своих подданных и противопоставить его

бездеятельности и немощности своих коронованных современников, в частности, Иоанна VI Кантакузина. Со страниц Пахимера и Григоры встает и реальная личность Михаила Палеолога, и его политика по отношению к латинянам. В главе анализируется арсенал выразительных средств, к которым прибегают византийские историки. Отмечается, что эпитеты, применяемые к латинянам, относятся в основном к сфере топосов христианской этики, где подчеркиваются проявления греховной сущности человека, и среди них особое место отводится гордыне. Нельзя сводить все противоречия только к конфликту между греками и латинянами. Латиняне, как и греки, не были едины. Это видят и подчеркивают византийские авторы, показывая как формируются альянсы между императорской властью и различными представителями латинского мира. Время ставило задачу накопления исторических знаний о странах, с выходцами из которых приходилось иметь дело. Отчасти это делал еще Никита Хониат, который приводит описание Венеции и венецианцев весьма перекликающееся по тону с тем, как описывает генуэзцев Григора. Это дает основание утверждать, что отношение к итальянским морским республикам, степень полемичности тона, зависят от конкретно-исторической обстановки, от того, насколько реальной представлялась исходящая от них опасность.

Заключение.

Мы разделили (разумеется, с достаточной долей условности) политику Михаила Палеолога по отношению к Генуе и Венеции на три этапа. Первый этап: с марта 1261 г. (подписание Нимфейского договора) по июнь 1265 г. (проект договора с Венецией), характеризовался ориентацией на сепаратные соглашения с итальянскими морскими республиками. Переходный период: (вторая половина 1265 г. – первая половина 1267 г.) характеризовался перестановкой сил на международной арене. Произошли выдвижение Карла Анжуйского, закат дома Гогенштауфенов, соглашение в Витербо (27.03.1267). В этой ситуации предшествующая тактика Михаила Палеолога оказалась неэффективной, а условия для новой только создавались. Второй этап: вторая пол.1267 г. – сер. 70-х гг., ознаменован политикой балансирования между Генуей и Венецией, открывающейся подписанием договора 1267 г. с Генуей и 1268 г. с Венецией. Заканчивается он подписанием Лионской унии, коренным образом изменившей как внешнюю, так и внутреннюю ситуацию в Византии. С середины 70-х гг. начинается новый, третий этап, закончившийся смертью Михаила VIII Палеолога в 1282 г. К нему относятся второй генуэзско-византийский кризис, борьба за Негропонт и за преобладание в Эгейде с Венецией, присоединение Венеции к планам Карла Анжуйского в Орвьето 1281 г., Сицилийская вечерня. Политика сепаратных соглашений определялась слабостью императорской власти в восстановленной Византии. Переход к системе дипломатического равновесия стал возможен как благодаря усилению этой власти, так из-за важных изменений международной обстановки вокруг Византии. Заключение Лионской унии, улучшив международное положение Византии, повлекло за собой раскол византийского общества и резкое сужение социальной базы императора, вынудив его искать опору в среде латинских союзников. Это сразу же сказывается на отношениях с республиками. К концу правления Михаила VIII Палеолога Генуя и Венеция находятся в исходных позициях. Генуя с Византией, Венеция против нее. В правление Михаила Палеолога размывается граница между внешней и внутренней политикой. Это обуславливается как задачами внешней политики,

целиком поглощающей все ресурсы ромейского общества, так и неуклонным количественным и качественным ростом латинского присутствия на территориях государства. Михаил Палеолог творчески переработал наследие своих предшественников, что выразилось как в характере его политики по отношению к морским республикам (политика дипломатического равновесия), заложенной еще Комнинами, так и в укреплении системы личных связей феодального типа, получившей свое широкое распространение при Ангелах. Подобная гибкость определялась чрезвычайно сложным положением, в котором оказался Михаил VIII Палеолог в годы своего правления. Византийские историки, несмотря на некоторые лакуны в изложении фактического материала и некоторую идеологическую заданность, очень точно передают основные закономерности политики первого Палеолога по отношению к морским республикам, отводя им особое место среди латинян. Венецианцы и генуэзцы сознавали и отстаивали свою особую роль в системе международных отношений Византии и Запада. Эту же самостоятельность они продемонстрировали и в отношениях с Михаилом VIII Палеологом, что также не ускользнуло от внимания греческих историков.

Список печатных работ по теме диссертации:

1. Нимфейский договор в системе международных отношений середины XIII века // Античность и средневековье Европы / Под ред. И. Л. Маяк и А. З. Нюркаевой. Пермь, 1996. С. 210-231. (1,4 а.л.)
2. История Ликария и "Ассизы Романии". Тезисы для III Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Преступление и наказание в средние века и раннее новое время. Западная Европа и Византия." 10-11 февраля 2003. Москва, 2003 (В печати) (0,2 а.л.)
3. Византийско-генуэзское противостояние в описании Никифора Григоры и Георгия Пахимера // VIII Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов "Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран." 28-29 марта 2003. Сыктывкар, 2003 (В печати) (0,3 а.л.)